

Лю Гопин, заметив, что сын вернулся домой в настоящих лохмотьях, остался совершенно спокоен.

— Опять с кем-то подрался? — спросил он, но тут же нахмурился, почувствовав неладное. Отставив в сторону лейку-пульверизатор, он прищурился и внимательно оглядел Лю Сымянь.
— Погоди, как тебя так угораздило? Неужто уступил в мастерстве?

— Да с чего ты взял? — фыркнул Лю Сымянь. — Где это ты на мне хоть одну царапину разглядел?

Он стянул с себя изодранную в клочья рубаху и швырнул её прямо в мусорное ведро.

— И зачем тащить эту рвань в дом? Выбросил бы прямо на улице, а теперь всё ведро занял, — беззлобно проворчал Лю Гопин и ногой примял мусор поплотнее.

— Предлагаешь мне, такому красавцу, расхаживать по городу с голым торсом? — отшутился Сымянь, доставая фартук. — Пап, что на ужин приготовить? Лапшу или жидкую кашу?

— Да ладно тебе приbedняться, я уже всё сварил. Осталось только зелень припустить, — Лю Гопин с подозрением покосился на сына, чьё отличное настроение никак не вязалось с разорванной одеждой. — Так с кем ты сегодня сцепился?

— С одним наглецом, — с улыбкой отозвался Сымянь.

— Решил прослыть героем и заступился за кого-то? — Гопин перенёс горшок с орхидеей обратно на балкон. — В Человека-паука заигрался или в Супермена?

— Ещё чего! Полиция у нас, что ли, зря свой хлеб ест, чтобы я за них работу делал? — Сымянь ушёл на кухню и включил воду, чтобы вымыть зелень. — Просто один богатый сынок с жиру взбесился. Пристал ко мне с предложением помериться силами.

— Помериться силами? Из наших, что ли? Кто такой? Какого направления придерживается? Силен? — Гопин мгновенно оживился. Он тут же оставил цветы в покое и вернулся в комнату.

— База у него есть, приёмы захвата и рукопашного боя знает неплохо. Похоже, из служивых, — хмыкнул Сымянь.

— И как, на равных шли?

— Какое там «на равных», пропасть между нами! — рассмеялся Сымянь. — Когда-то он, может, и умел драться, но явно всё запустил. Против меня у него не было ни единого шанса. Я-то думал, раз сам напросился, то покажет класс, а он... Стоило мне применить «Карпа Кои,

преследующего волну» — и хоп, он уже на лопатках. Завопил, что это не считается, поднялся и снова полез. Я уже на рожон лезть не стал, дождался его выпада, ушёл в сторону с «Переверотом спящего дракона», и парень улетел рыбкой. Слабак, в общем, удара совсем не держит.

— Ну-ну, заливай больше, — покачал головой отец. — Если ты его уложил в два счёта, почему сам вернулся оборванцем? Мать придёт — опять заведёт свою волынку. Рубашка-то небось больше сотни стоила, жалко... Как пойдёшь ей ужин относить, прихвати этот пакет и выброси потихоньку, чтоб она не заметила.

Отец мог выдержать любое бедствие, но перед бесконечным ворчанием жены пасовал заранее.

— Да кто заливает-то? Всё так и было! — обиделся Сымянь. — Я же видел, что парню прилично досталось, и чисто по-человечески протянул ему руку. А этот коротышка-полицейский, его напарник, подскочил сзади и обхватил меня мёртвой хваткой. Тут и этот «молодой господин» подсуетился — уцепился снизу за подол, пытаюсь подсесть мне ноги и повалить. Пришлось выдать «Архата, вращающего сутры». Обоих бездельников я, конечно, раскидал, но рубаху они мне знатно изорвали.

— Погоди... Какой ещё полицейский? — опешил Гопин.

— Да этот мажор изначально с ним припёрся.

— А ну-ка напомни мне третью заповедь наших предков? — строго спросил отец.

— С властями не тягаться.

— Раз знаешь, какого лешего ты в драку полез?

— Да ладно тебе, пап. Ты у меня тоже чиновник, хоть и мелкий, но мы же с тобой каждый день дерёмся, — ухмыльнулся Сымянь.

— Ах ты паршивец! Нашёл с кем сравнивать, мы же просто тренируемся! — заворчал Гопин.

Вообще-то он занимал должность начальника отдела внешнеэкономических связей в городском комитете по развитию и реформам. Чин, конечно, не заоблачный, но всё же официальный статус государственного служащего обязывал.

— Ну так и у нас никакой вражды не было, чисто разминка, — пожал плечами сын. — Кстати, этот парень хоть и капризный мажор, но мужик неглупый и отходчивый. Сначала жульничал, а как закончили — сразу проявил благородство. Вцепился мёртвой хваткой: пойдём, мол, выпьем, хочу с тобой подружиться. Но я в таком рваном виде идти постеснялся, так что договорились на следующий раз.

— И что за большой босс? Кто такой?

— Тан Шаочуань. Ну, тот самый, известный на весь город. Ты его наверняка знаешь.

— Слышать-то слышал, да только я в своём ведомстве давно на вторых ролях, путей у нас общих нет. Вот с прежним владельцем Завода стройматериалов Горный Ветер Гуань Цзюньсуном мне доводилось пересекаться пару раз.

При упоминании фамилии Гуань у Сымяня внутри что-то ёкнуло.

— Слушай, пап, а у этого Гуань Цзюньсуна сын, случайно, не в полиции служит?

— Откуда мне знать? Виделись-то мельком, шапочное знакомство.

Сымянь быстро сотворил пару нехитрых блюд, и они с отцом дружно, по-спартански умяли ужин. Мать семейства, Ма Сухуа, держала небольшой магазинчик постельного белья прямо через дорогу от их жилого комплекса. Покончив с едой, Сымянь привычно упаковал порцию в ланч-бокс — пришло время нести ужин матери.

— Как тебе на новом месте? Привык уже? — поинтересовался Гопин, пока сын собирал контейнеры.

— Да нормально, коллектив хороший, со всеми лажу. Не поверишь, и месяца там не проработал, а уже успел сосватать своего однокашника, Даньтай Сяофэна. С хорошей девушкой его свёл.

— Ишь ты, сводник выискался, — усмехнулся отец. — Сам бобылём ходишь, а туда же — чужую личную жизнь устраивать. А по деньгам как? Не обижают?

— Испытательный срок ещё не прошёл, так что пока платят две тысячи шестьсот. Через год обещают поднять до трёх с половиной.

— Что ж, вполне прилично. На жизнь хватит, с голоду не помрёшь. Да это, считай, даже больше моего официального оклада чиновника, — одобрительно кивнул Гопин.

— Смотря с кем сравнивать, пап. У нас в фирме некоторые ребята по несколько сотен тысяч в год зашибают.

— И что теперь, локти кусать? Кто-то вон в министры да премьеры выбивается, а я всю жизнь простым начальником отдела просидел. Мне теперь удавиться от зависти, что ли?

— Да я просто к слову применил, никакой зависти, — рассмеялся Сымянь. — Нас же заветы предков чему учат? Принимать судьбу такой, какая она есть, и не роптать.

— То-то же, — Гопин принялся убирать посуду со стола. — Если опять вздумаешь увольняться, бросай всё и иди к матери в магазин. Она сама признавала: когда ты за прилавком стоишь, выручка у неё в разы вырастает.

— Нашла себе смазливую приманку для покупательниц, — фыркнул Сымянь.

— Ну, если ты и приманка, то только потому, что унаследовал мою породу. Слава богу, лицом в меня пошёл. Был бы в мать — пиши пропало, без слёз не взглянешь, — пошутил отец, открывая перед сыном входную дверь.

— Вот пойду сейчас и сдам тебя маме с потрохами. Расскажу, как ты её за глаза критикуешь, — заговорщически подмигнул Сымянь и выскользнул на лестничную площадку.

Магазин постельного белья находился буквально под боком. Сымяню нужно было только выйти из двора и пересечь оживлённую дорогу. Когда он подошёл к павильону, мать увлечённо щебетала с соседкой — владелицей магазина сантехники Чжун Сюцинь.

— Ой, посмотрите-ка, наш красавчик опять матушке ужин принёс! — запричитала Чжун Сюцинь, уставившись на парня липким, оценивающим взглядом. — Эх, если бы мой обалдуй рос таким же заботливым да послушным, я была бы на седьмом небе от счастья. Хозяйка Ма, во всём нашем торговом ряду только тебе с сыном так повезло!

— Да ладно тебе прибежаться, Сюцинь. Твой-то сразу после университета в Шанхае устроился, в крупную иностранную компанию. Настоящий человек, солидный! Куда моему до твоего, — Ма Сухуа с улыбкой забрала у сына ланч-бокс и скрылась в глубине магазина, предвкушая ужин.

— Ой, да брось, одни понты это, — замахала руками соседка вслед уходящей подруге. — В этих мегаполисах жизнь собачья, пахнут как проклятые. Моего и в праздники-то домой не дозовёшься, да и звонит раз в сто лет. То ли дело у тебя — всё просто, надёжно, сыночек под боком.

Сюцинь повернулась, собираясь уходить к себе, но на прощание фамиллярно хлопнула Сымяня по бедру.

— Ух, ну и ножищи! Длинные, крепкие — загляденье! И почему тебя до сих пор какое-нибудь модельное агентство с руками не оторвало?

— Так они же слепые, тётушка Чжун. Где им разглядеть мою неземную красоту? — отшутился Сымянь.

Чжун Сюцинь покатила со смеху и весело подмигнула:

— А ведь верно подмечено!

Ма Сухуа за долгие годы переняла привычку мужа и сына есть молниеносно. Не прошло и пяти минут, как контейнеры опустели. Заметив, что сын не спешит уходить, она поинтересовалась:

— Что, на вечер планов никаких?

— Да нет, — Сымянь принялся аккуратно складывать разбросанные покупателями наволочки и покрывала. — Отец решил, что раз я сегодня знатно размялся на улице, вечернюю тренировку можно отменить.

— Опять подрался? — вздохнула мать. В её голосе удивления почти не чувствовалось — привыкла уже за столько-то лет.

— Ну ма-а-ам, я же не бандит какой-то, чтобы при каждом удобном случае кулаками махать. Мы просто обменялись опытом.

— Опытom они обменялись, — передразнила Ма Сухуа и в шутку запустила в него мягкой диванной подушкой. — Совести у тебя нет! Из-за своих постоянных разборок сколько ты уже мест сменил, а?

— Ну не так уж и много... — Сымянь легко поймал подушку на лету и виновато улыбнулся.

— Взрослый ведь уже парень, пора бы научиться держать себя в руках. Не хватал бы ты людей за грудки по любому поводу, чтобы потом к тебе на работу разбираться не приходили, — Ма Сухуа, видимо, поняла, что читать нотации бесполезно, и сменила тему: — Твоя тётя Ма Суцинь сегодня заглядывала. Сказала, на примете есть одна очень милая и подходящая тебе особа. Может, сходишь на свидание, встретитесь?

— Да брось, мам. Ни кола, ни двора, ни гроша за душой. Какая нормальная девушка сейчас на меня позарится? — без особого энтузиазма отозвался Сымянь.

— Цены на жилье сейчас просто безумные, о какой покупке квартиры вообще речь! Наш дом хоть и староват, но квартира-то двухэтажная. Отремонтим второй этаж под вас, и живите себе спокойно, — Сухуа устало потёрла поясницу. — И вообще, девицы, которым нужны только квадратные метры да тугой кошелёк, нам даром не сдались. Семью надо строить с порядочным человеком, характер ведь главное, а не богатство.

— Эх, мам, твои взгляды давно устарели. Ты попробуй сейчас отыщи хоть одну такую бескорыстную на улице. Если найдёшь — обещаю, женюсь хоть на дурнушке, прямо завтра в загс пойдём!

— Ну, тут ты, пожалуй, прав, — удручённо вздохнула мать. — Та барышня, про которую твоя тётя говорила, из хорошей семьи. Родители — госслужащие, требования к зятю у них наверняка до небес. А у тебя из достоинств только смазливая мордашка. Ни приличного капитала, ни стабильной карьеры...

Она призадумалась, и вдруг обида взяла её с новой силой. Ма Сухуа с досадой хлопнула ладонью по витрине:

— Да уж, связалась я на свою голову с вашим семейством Лю! Ни дня спокойного за всю жизнь не видела. И когда только у меня голова за тебя болеть перестанет?

— Мам, не забивай себе голову моей женитьбой. Мне скоро тридцать, и на жильё я должен заработать сам. Отец в своё время в долги залез ради этой двухэтажной квартиры только ради того, чтобы у нас было место для тренировок и мы соседям по голове не прыгали. Если я займу второй этаж под семейное гнездо, батя сам первый взбунтуется. Ты же знаешь, он со своими заветами предков носится день и ночь. Он мне уже все мозги ими промыл.

— Ну уж нет! Вот родишь своего, я костями лягу, а внуку портить жизнь этими вашими «заветами» не позволю! Пусть хоть сам дед Даошоу заявляется — не дам над ребёнком измываться и заставлять его кости ломать, — решительно заявила Ма Сухуа.

— Мам, я ещё даже невесту не нашёл, а ты уже о внуках грезишь, — покачал головой Сымянь.

— Ладно тебе, это я так, сгоряча, — смягчилась мать. За тридцать с лишним лет замужества она и сама научилась философски относиться к жизненным неурядицам. — Мир велик, хороших девчонок много. Найдётся и твоя половинка, всему своё время. Кстати, отец тебе говорил, что на днях дедушка со вторым братом приезжают?

Сымянь шумно выдохнул, надув щеки:

— Опять... Каждый год одно и то же. Вот ведь упрямый старик!

Дедушка Лю Даошоу, несмотря на свои почтенные годы, свято чтит вековую традицию. Хотя его сын Лю Гопин в своё время уехал из родного уезда Шуанцяо, из волости Паньсю, и выучился на госслужащего, семейный закон предков обязывал каждого мужчину рода Лю владеть боевыми искусствами. Вот старик ежегодно и наведывался в город с инспекцией — проверить, не разленился ли сын в комфортных городских условиях и не растерял ли боевой навык.

— И не говори, ни единого года не пропустил! — фыркнула Ма Сухуа. — Смех да и только: у твоего отца на работе ежегодные проверки из КРУ, а у нас дома — ежегодный аудит от деда. — Она заговорщически понизила голос: — Скажи честно, в этот раз у тебя есть шанс одолеть второго брата?

Вторым братом, о котором шла речь, был Лю Сыи — сын старшего дяди Лю Гошэна. Среди всей молодой поросли их ветви в волости Паньсю именно Сыи считался безоговорочным мастером номер один в поколении «Сы».

— Куда мне до него, — сокрушённо вздохнул Сымянь. — Если выстою хотя бы десяток обменов, уже за счастье сочту.

— Ну как же так? Вы ведь с отцом каждое утро тренируетесь, ни дня не пропускаете.

— Так и брат на печи не лежит, — резонно заметил парень. — К тому же в деревне у него раздолье для тренировок, условия куда лучше наших городских. Да и сложен он идеально для рукопашного боя: ростом пониже меня, центр тяжести низкий, стоит на ногах как вкопанный. Чистая анатомия, против неё не попрёшь.

— Ну а деда-то одолеть сможешь?

— Мам, ну ты даёшь! — покатился со смеху Сымянь. — Дедушке восемьдесят пять бахнуло! Как у тебя вообще язык повернулся нас сравнивать?

— А что такого? Старик каждый год с твоим отцом на кулаках сходится, и двигается покруче любого молодого. Твой батя ему каждый раз без боя сдаётся.

— Так это дань уважения! К тому же у старшего дяди Гошэна вечно в горах дел неуворот, вот дедушке и приходится отдуваться за двоих. Они с отцом просто обозначают удары, чисто символически.

— Значит, опять семейный бюджет пострадает, — уныло констатировала Ма Сухуа.

По нерушимому клановому уставу, дошедшему до них из глубины веков, каждый мужчина рода Лю, достигший шестнадцати лет, обязан был раз в год участвовать в семейных состязаниях. Проигравший выплачивал пеню в общую казну рода — так называемую «клановую подать». Решением Совета старейшин взнос уже несколько лет как зафиксировали на скромной сотне юаней. Закон был суров и распространялся на всех без исключения: даже если глубокий старик доживал до ста лет, ему всё равно приходилось выходить на ристалище против какого-нибудь дерзкого восемнадцатилетнего юнца из своего же поколения, если тот бросал вызов. И проигравший безропотно раскошеливался.

Дедушка Лю Даошоу, хоть и не превосходил всех возрастом, обладал в Деревне Лю у Львиной горы непререкаемым авторитетом благодаря своему статусу старейшины. В поколении «Дао» он остался последним хранителем традиций во всей округе. У него было трое сыновей и дочь: старший Гошэн, средний Гопин, дочь Гоин и безвременно ушедший младший сын Готянь. Другие представители поколения «Го» в Деревне Лю либо уже разменяли девятый десяток, либо давно растеряли былую сноровку и просто ежегодно вносили положенную сотню в фонд клана, не вступая в поединки. Младший брат Готянь скончался молодым, так что на семейных

весах оставалось лишь противостояние среднего сына, отца Гопина, со старшим дядей Гошэном. Если отцу удавалось одолеть старшего брата, от уплаты налога он освобождался.

В их собственном поколении «Сы» ситуация складывалась не менее интригующе. В ветви дедушки Даошоу насчитывалось шесть человек. У старшего дяди Гошэна были сыновья Сьюань, Сыи и дочь Сывэнь. У отца Гопина рос единственный наследник — сам Сымянь. А покойный дядя Готянь оставил после себя близнецов Сыкуня и Сыпэна. Старший кузен Сьюань талантами в боевых искусствах не блистал. Близнецы Сыкунь и Сыпэн служили в Спецназе города Хайдун и на турниры попросту не успевали из-за службы, предпочитая молча переводить взносы на клановый счёт. Остальные представители их поколения в деревне были уже ровесниками его отца и соревноваться с молодыми не могли. В итоге главным соперником Сымяня оставался его кузен Лю Сыи — если удавалось одолеть его, кошелёк оставался цел.

А ведь за ними уже подрастали следующие поколения: многочисленное «Юй», где блистали племянники Сымяня — Юйчэн, Юйцзин и Юйинь; за ними шло поколение «Пинь», сплошь состоящее из крепких двадцатилетних парней, затем школьники из поколения «Чжэн», и, наконец, единственный на всю деревню младенец из самого младшего поколения «Фэн».

— Ну да, считай, двухдневный заработок псу под хвост, — со вздохом потёр лоб Сымянь, мысленно настраиваясь на встречу с грозным патриархом.

— Два сапога пара, у обоих руки не из того места растут, каждый год из-за вас тратимся, — беззлобно ворчала Ма Сухуа, наводя порядок на прилавке. — Раз уж у тебя вечер свободный образовался, посиди за меня в лавке. А я пойду домой, стиркой займусь.

— Эй, только давай без фанатизма, я тут до полуночи торчать не собираюсь.

— Да на улице уже осень, за бамбуковыми циновками очередей нет. Захочешь уйти пораньше — закрывайся и иди, — Ма Сухуа вдруг замерла на пороге, погрозив ему пальцем. — И смотри у меня! Никакого самоуправства с ценами. Если опять распугаешь мне покупателей своими шуточками, я тебе уши оборву. Торговля — это репутация, здесь честность нужна, понял?

— Понял, понял, всё сделаю в лучшем виде, — послушно закивал сын.

А про себя подумал: «Если местные девицы да молодые дамочки не будут распускать руки, с чего бы мне их обсчитывать? Но если опять начнут заигрывать и щипать за бока — уж извините, тут я беспощаден. Придётся брать с них наценку за моральный ущерб».

Чтобы не ударить в грязь лицом перед дедом и кузеном, Сымянь решил применить тактику «экстренной подготовки». В последние дни он тренировался с удвоенной силой. Каждое утро, задолго до рассвета, пока дорожки парка Аньшань пустовали, они с отцом устраивали полноценные получасовые спарринги в полную силу. После этого Сымянь пулей летел домой, наскоро смывал пот под душем и бежал на работу. Из-за этих утренних баталий бедной Ма Сухуа приходилось открывать магазин позже обычного. Пытаясь загладить вину перед матерью, парень после работы сразу мчался домой: готовил ужин, стирал и частенько

подменял её за прилавком.

В один из таких вечеров, когда Сымянь уже складывал вещи, собираясь уходить, его окликнула Чжэн Сяони. По её словам, его школьный друг Даньтай Сяофэн настаивал на совместном ужине.

— Ну вы даёте! О таких вещах заранее предупреждают, а не перед самым уходом. Я вам что, бесплатное приложение для массовой? — проворчал обычно вспыльчивый Сымянь, хотя и попытался скрыть раздражение за дежурной улыбкой.

— Да бог с тобой, какая массовка! Только мы втроём, ужин затевается исключительно ради тебя, — смутилась Сяони. — Извини, на работе такой завал был, что у меня из головы напрочь вылетело. Сяофэн только что набрал, говорит, уже внизу ждёт — вот я и вспомнила!

— Эх ты, трудоголик с девичьей памятью, — беззлобно поддел её Сымянь. — Вот и думай теперь: доброе я дело сделал, когда свёл тебя со своим однокашником, или совершил роковую ошибку.

Делать было нечего. Парень набрал отца и попросил того взять на себя сегодняшние кухонные заботы.

Уже в машине выяснилось потрясающее: Чжэн Сяони и Даньтай Сяофэн решили обручиться! Этот ужин был их официальной благодарностью свату перед тем, как они объявят о помолвке.

— Ну вы даёте! И трёх месяцев не прошло, а вы уже под венец собрались? — Сымянь искренне изумился. Он и представить не мог, что его мимолётная идея обернётся столь скорой свадьбой.

— В наше время и через полчаса после знакомства в загс бегают, — рассмеялся за рулём Даньтай Сяофэн. — Ладно тебе ворчать. Напротив моей школы как раз открылась отличная корейская барбекю-забегаловка, пойдём снимем пробу.

— М-м, мясо на гриле... Тут уж сам бог велел по паре пропустить, — Сымянь мгновенно захотел есть. Правда, в голове тут же всплыла мысль о завтрашней утренней тренировке на рассвете, заставив его досадливо поморщиться.

Когда они подъехали к Центральной площади, зелёный свет моргнул и сменился красным. Машина плавно затормозила у перекрёстка. Сымянь бросил взгляд на регулировочный пост впереди. На тумбе посреди дороги, чётко и уверенно размахивая жезлом, стоял не кто иной, как Гуань Хаобинь — тот самый патрульный, которому недавно от него знатно прилетело.

Сымянь не удержался, высунулся в окно и во всё горло крикнул:

— Офицер Гуань! Службу бдите, а?!

<http://bllate.org/book/18980/1892157>